

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

ПЕРВАЯ ПУЛЯ —
ПОСЛЕДНЯЯ
ПУЛЯ

Полковник Гуров

Николай Леонов

Первая пуля – последняя пуля

«Научная книга»

Леонов Н. И.

Первая пуля – последняя пуля / Н. И. Леонов — «Научная книга», — (Полковник Гуров)

Антон Ружаков по кличке Кулак откинулся с зоны и через два часа попал по полной программе. По дороге от «хозяина» на них с Витей Расписным конкретно наехали. Непонятно, кто и за что, но мочилово вышло знатное – четверо погибли. Антон смылся и теперь он – опасный свидетель, а такие, как известно, долго не живут. Так бы и метался Кулак по Москве, пока не схлопотал бы свою пулю, но вовремя попал в лапы полковнику Гурову. А от этого «полкана», как и от его друга Крячко, так просто не соскочишь. Задержание Кулака дает Гурову реальный шанс разом накрыть две банды – похитителей людей и наркодилеров. Есть у полковника одна рискованная идея... только рисковать придется Кулаку. Гуров даже выдал ему пистолет с одним патроном. Впрочем, полковник в стороне не останется, он всегда там, где свистят пули...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Николай Леонов, Алексей Макеев

Первая пуля – последняя пуля

Глава 1

Получив на проходной свои личные пожитки, состоявшие из скудной летней одежки и наручных часов, Ружаков неторопливо направился к выходу из административного здания колонии. Рыжий усатый прапорщик, больше напоминавший своим телосложением бочонок с пивом, нежели человека, большую часть жизни проведший на неблагодарной и нервной работе, посторонился, выпуская на улицу вчерашних эков.

Сегодня освободились сразу четыре человека. Среди них был и некогда авторитетный столичный рэкети́р, под началом которого находилась внушительных размеров группа боевиков, Антон Ружаков по прозвищу Кулак. Высокий, широкоплечий молодой мужчина тридцати четырех лет с раскосыми карими глазами и квадратным подбородком. Шесть лет, проведенные за колючей проволокой, как это ни странно, мало изменили Ружакова. Все тот же стальной блеск в глазах, все тот же гордый вид.

Сидящий в светло-сером «Опеле» Витя-Расписной сразу заметил бригадира, на голову превосходившего остальных вдохнувших воздух свободы эков. Витя приветственно посигналил. Кулак повернул голову, улыбнулся и резво зашагал по склону к автомобилю. Расписной вышел из салона навстречу приятелю. На нем была расстегнутая кожаная куртка и зауженные книзу темные джинсы. При виде Ружакова Витя добродушно ощерил в ответной улыбке свои редкие, желтые от никотина зубы и бодро взмахнул рукой.

– С возвращением, братишка! – Витя неопределенно качнул головой. – Чертовски рад тебя видеть. И рад, что ты не изменился. Ты все тот же, Кулак.

Несколько мгновений Ружаков хранил молчание. Старые друзья и подельники просто стояли друг против друга, внимательно вглядываясь в немного стершиеся из памяти лица. Затем Антон стремительно подался вперед, выбросил кисть для рукопожатия, а другой свободной рукой обнял Расписного за плечи. Витя откликнулся на его порыв.

– Я тоже рад тебя видеть, Витек. И спасибо, что не забыл...

– О чем ты говоришь, Кулак? Мы же с тобой кенты по жизни? Забыл? И я... – Расписной на мгновение замялся, – я твой должник, брат.

– Брось, – небрежно отмахнулся Ружаков. – Забудь об этом. И угости меня лучше сигаретой.

Расписной охотно подал ему раскрытую пачку, и недавний зэк с наслаждением закурил, втягивая в легкие бодрящий ароматный дым. Витя с интересом наблюдал за его действиями. Черт! Интересно, каким бы стал он сам, если бы провел шесть лет в изоляции? Произошли бы в нем изменения? А ведь он был так близок к черте, что разделяла их все эти годы. На той стрелке шесть лет назад они были с Кулаком вместе. Были еще трое пацанов. Менты накрыли их неожиданно. Свалились, можно сказать, как снег на голову. Никто толком и сообразить-то ничего не успел. Расписной был единственным, кто чудом вырвался из оцепления. А позже ни в кабинете следака, ни на суде Ружаков ни словом не обмолвился о его персоне. Не потащил за собой друга. Посчитал – запахло. И теперь говорит: «Забудь об этом...»

– Ты ехать не собираешься? – Расписной кивнул в сторону «Опе́ля».

– Погоди, брат, – Ружаков запрокинул голову и с каким-то непонятным для Вити наслаждением уставился на бегущие серые облака. – Дай мне привыкнуть... Насладиться этим чувством. Свобода! Я шесть лет мечтал об этом мгновении, Витек. Веришь ли?

– Верю, Кулак. Конечно, верю.

Ружаков крутил головой то в одну, то в другую сторону, лаская взглядом едва ли не каждый уголок девственной природы. Витя пожал плечами и с разговорами к другу больше не лез. Торопиться им было некуда, а раз такое дело... Единственное, что его беспокоило, так это явно несоответствующее сезону одеяние Кулака. Просторная легкая рубашка навывпуск, льняные брюки. То есть то, в чем он и был тогда, летом девяносто девятого года, когда «легалые завернули ему ласты». Но сейчас-то не лето. Ранний октябрь не радовал теплыми деньками и демонстрировал преимущественно свои пасмурные, а порой и дождливые лики.

– Ладно, брат, – Ружаков бросил окурок под ноги. На губах у него играла все та же счастливая улыбка. – Поехали. Прокатишь с ветерком?

– А то! – Расписной проворно обогнул корпус «Опеля» и разместился на месте водителя. Кулак плюхнулся на соседнее сиденье. Синхронно хлопнули дверцы. – Я и пивка прикупил. Специально для тебя, Кулак. Там, в бардачке. Угощайся.

– Благодарствую, кореш.

Загородная подмосковная трасса стремительно полетела под колеса. Расписной чуть приоткрыл окно со своей стороны, и прохладный встречный ветерок приятно ерошил его волосы. Ружаков выудил из бардачка сразу две банки пива. Одну бросил себе на колени, с другой сорвал кольцо и жадно припал губами к жестяному ободку.

– А насчет изменений, тут ты не прав, Витек, – сказал он, утолив жажду и по-простецки утерев рот рукавом своей рубашки.

– Каких изменений? – Расписной скосил взгляд на бывшего бригадира.

– Моих, – легко ответил тот, но Витя заметил, что улыбка с губ Ружакова исчезла. – Изменения со мной произошли. Внутренние. Они просто не могли не произойти. Зона еще ни для кого не проходила бесследно. Она, знаешь ли, неминуемо оставляет на тебе свой отпечаток. Клеймо. Сечешь тему?

– Пока не очень, – честно признался Расписной. – Поясни.

Однако Ружаков не торопился вступать в полемику. Двумя большими глотками он прикончил первую банку пива и сорвал кольцо со второй. Пошарил по карманам брюк в поисках сигарет, но, так и не обнаружив их, взял пачку Вити, лежащую между ними. Быстрый щелчок зажигалки, и салон «Опеля» стал наполняться сизыми клубами дыма.

– Я не намерен возвращаться к старому, Витек, – негромко заявил Ружаков.

– Завязать, что ли, решил?

– Можно и так сказать. – По старой, еще детдомовской привычке Кулак чередовал потребление пива с затяжками. В голове уже приятно зашумело, в руках и ногах появилась небольшая вялость. Кулак почувствовал себя очень вольготно и комфортно. – Времена меняются. Люди тоже меняются, Витек. Рэкет – это уже прошлый век. Правильные и продуманные пацаны не живут теперь на этом. Любой бизнес лучше легализовать. И легавым, таким образом, подкопаться не к чему будет.

– Ты уже что-то надумал? – В голосе Расписного слышалась откровенная заинтересованность, хотя смотрел он при этом не на собеседника, а на проносившиеся мимо трассы реденькие посадки. «Опель» стремительно приближался к окраине столицы.

Ружаков лукаво прищурился и в очередной раз глотнул хмельного напитка.

– Да. У меня созрели кое-какие наметки, – охотно признался он. – Надеюсь, ты со мной, Расписной?

– О чем базар, брат? – с некоторой долей обиды откликнулся тот. – Ты же сам прекрасно знаешь, Кулак. Я за тебя и в огонь и в воду... Только скажи...

– Рад это слышать, – Ружаков не дал приятелю излить все свои эмоции до конца. – Я посвящу тебя в свои планы, но... Не сегодня. Сегодня я намерен отдохнуть. По полной программе, Витек. Как у нас обстоят дела с женским обществом?

– Сделаем, – деловито качнул головой Расписной.

– Притормози-ка, брат, – Кулак пальцами сжал опустевшую жестяную банку из-под пива. – Отлить надо бы.

Расписной молча прижал «Опель» к обочине трассы. С неба накрапывал легкий дождик, и Ружаков с удовольствием ощутил его бритой макушкой, ступив на траву. Витя тоже покинул салон и, обогнув корпус автомобиля, присоединился к приятелю. Процесс, сопровождаемый веселым насвистыванием Кулака, длился недолго. Недавний зэк застегнул «молнию» на брюках и развернулся.

– Поехали. И не забудь про обещанных телок...

Расписной не успел ответить. Со стороны Москвы на трассе появился темно-синий джип «Ниссан», приближавшийся к ним на предельной скорости. Взвизгнули тормоза, внедорожник слегка вильнул и остановился в полуметре от «Опеля». Кулак нахмурился, пристально наблюдая за неизвестно зачем пожаловавшими незнакомцами. Расписной инстинктивно нащупал под курткой рифленую рукоять своего «макара».

Из джипа вышли только двое, но Кулак мог бы поклясться, что они были не единственными пассажирами темно-синего авто. Высокий плечистый парень под два метра ростом с вытянутой бульдожьей физиономией и безобразным серпообразным шрамом под левым ухом, облаченный в длинный, до пят, кожаный плащ и остроносые белые туфли, выступил вперед и развязной походкой двинулся в направлении Кулака и Расписного. Его товарищ, не такой колоритный в плане внешности, коренастый бритоголовый парнишка, утянутый в облегающую «косуху» и серые джинсы, остался возле автомобиля, небрежно заложив руки в карманы и покачиваясь на каблуках. Он первым заметил настороженные телодвижения Расписного и теперь внимательно следил за его руками.

Амбал с лицом бульдога остановился. Его колючий взгляд пересекся с взглядом Ружакова. Какое-то время он продолжал стоять так на одном месте, сохраняя тягостное молчание.

– Привезли бабки? – выдал наконец пассажир «Ниссана».

Голос его был глухим и надтреснутым, как скрип старого покореженного пня, который выкорчевывают в лесной глуши.

Кулак удивленно вскинул брови и повернул голову к Расписному. Для него происходящее было загадкой, но он надеялся, и вполне резонно, что Витя хотя бы в общих чертах имеет представление, о чем идет речь, и объяснит, что происходит. Не может же быть случайным появление этих типов на трассе и последующий за этим обращенный к Ружакову и его приятелю вполне конкретный вопрос? Однако Витя ничего не объяснил. Напротив, дальнейшее поведение Расписного внесло еще большую сумятицу и непонимание в сознание Кулака.

Витя переместился вправо, коснувшись бедром капота своего «Опеля», и таким образом слегка загородил Ружакова от мужчины в длинном черном плаще.

– Че за дела, пацаны? – В голосе Расписного появились привычные блатные интонации, к которым он успел привыкнуть за долгую практику ведения деловых разборок. – Вы кто такие?

Бульдожья физиономия осталась совершенно бесстрастной. Ни один мускул не дрогнул на ней, и вообще она больше была похожа на восковую маску, чем на лицо. Не шелохнулся и крепыш в «косухе».

– Телка нужна? – едва заметно шевельнулись тонкие губы мужчины в длинном плаще. – Или порезать ее на мелкие кусочки? По большому счету, нам конкретно положить, в каком виде доставить ее. Все зависит только от степени вашей стоворчивости и... – на этот раз незнакомец усмехнулся, – платежеспособности.

Тонированные стекла «Ниссана» по-прежнему не позволяли Кулаку и Расписному видеть всю компанию нежданно-негаданно наехавших на них явных отмороzków. Но, судя по тому, как вел себя «бульдог», по его манере держаться и разговаривать, он чувствовал за своей спиной реальную силу.

– Я чего-то не догоняю, пацаны... – Кулак почувствовал, что Витя немного растерялся.

– Сейчас догонишь! – вклинился в разговор крепыш, делая один-единственный шаг вперед.

«Бульдог» вскинул руку, останавливая соратника.

– Остынь, Губа. – Затем его глаза снова переместились в направлении Расписного. – Так что с бабками, ребята? Привезли?

Кулак решил, что сейчас самое время взять ситуацию под собственный контроль. Судя по всему, произошла какая-то ошибка... Или Расписной ломает комедию?.. Так или иначе, следовало по-человечески разобраться во всем происходящем.

– Один момент, – Ружаков встал рядом с приятелем. – Сдается мне, тут происходят какие-то непонятки, братва. Мы натурально не рубим, о чем базар? Вы нас ни с кем не путаете?

Мужчина в длинном плаще нехорошо усмехнулся. Слишком нехорошо, как показалось Ружакову. Однако прояснения ситуации недавнему эку добиться так и не удалось – все четверо одновременно повернули головы на шум приближающегося автомобиля. Кулак, наверное, нисколько не удивился бы прибытию к месту событий очередной навороченной иномарки, но, вопреки всем его ожиданиям, в сторону Златоглавой по трассе двигалась старенькая «шестерка» салатового цвета с облупившейся на левом крыле краской. Рядом с водителем восседал пассажир, и похоже было, что на заднем сиденье расположился еще кто-то.

«Бульдог» недовольно прищурился. Нежелательные свидетели ему сейчас были совершенно без надобности. Но то, что произошло уже в следующие секунды, Кулак и подавно расценил как нечто ирреальное, выходящее за рамки нормального человеческого восприятия. Расскажи ему впоследствии эту историю кто-нибудь, он мог бы и усомниться в ее правдивости. Но, по иронии судьбы, только что обретший свободу Ружаков сам стал не только свидетелем, но и невольным участником произошедшего.

«Шестерка» стала притормаживать, вроде как рассчитывая разминуться с загордившим проезд мощным «Ниссаном». Затем правое боковое стекло опустилось, и Ружаков заметил направленный в его сторону вороненый ствол крупнокалиберного пистолета. Сработавший инстинкт самосохранения швырнул Кулака в сторону. Недолго думая, он оттолкнулся носками ботинок от чуть намокшего асфальта и бросился всем корпусом влево. Падая, он каким-то образом все же успел разглядеть вырвавшийся из направленного «ствола» столб пламени и одновременно с этим распахнувшуюся заднюю дверцу «шестерки». Скрипнули тормозные колодки, и вслед за этим звуком застрекотала автоматная очередь.

Ружаков перекатился на живот и оказался наполовину закрытым корпусом «Опеля». Хлопнуло расположенное в непосредственной близости от него колесо, и воздух со свистом стал вырываться из простреленной шины. Менее чем в полуметре от Кулака рухнул на землю Витя-Расписной, и некогда авторитетный столичный бригадир рэкетиров почувствовал, как на лицо ему брызнула свежая горячая кровь. Голова Расписного была похожа на треснувший переспелый арбуз. Сам он лежал в неестественной для живого человека позе – одна рука скрючилась, вторая откинулась в сторону, почти коснувшись ботинка Ружакова. Машинально утерев лицо рукавом просторной рубахи, Кулак сфокусировал взгляд на широко распахнутых, остекленевших глазах Вити. Неподвижные зрачки товарища уставились в затянутое серыми облаками бесконечно-далекое небесное пространство. Мелкие капли дождя падали на залитое кровью лицо Расписного, но последнего уже нисколько не беспокоило это досадное обстоятельство. Кулак скрипнул зубами.

Он не видел того, как обладатель отталкивающей бульдожьей внешности, мгновенно утратив интерес к недавним собеседникам, распахнул полы своего кожаного плаща, обнажая два зажатых в руках мини-автомата «узи», и, крутнувшись на месте, открыл встречный огонь по пассажирам «шестерки», тут же сразив наповал невооруженного водителя. Разлетелось хлипкое боковое стекло, но один из нападавших уже выскользнул из салона, кувыркнувшись на жестком асфальте. С заднего сиденья захлебывался в безудержной истерике «стечкин», но

разглядеть того, в чьих руках он находился, не представлялось возможным. Не видел Ружаков и того, как из джипа, словно черти из табакерки, выскочили еще двое крепких широкоплечих ребят с оружием на изготовку. Один из них оказался слева от невысокого напарника «бульдога», другой справа, и все трое синхронно открыли огонь.

Кулак из своего укрытия мог только слышать, но доносившиеся до него звуки были однообразными и типичными для подобных разборок на трассе. Одиночные pistolетные хлопки на фоне автоматных очередей.

«Что же это за дерьмо такое?» Ружаков переместился еще дальше, не желая стать мишенью ни для шальной, ни для направленной точно в его в сторону пули, и привалился к осевшему на бок заднему крылу «Опеля». «Ствола» у него не было, и, следовательно, Ружаков ничего не мог противопоставить хорошо оснастённому различным оружием противнику.

– Мочи их! – заорал кто-то из ведущих активные боевые действия на дороге. – Твари! В капусту их всех!..

Канонада не смолкала, свидетельствуя о том, что стороны весьма эффективно держат оборону, не позволяя противнику получить преимущество. До Кулака донесся сдавленный стон раненого. Может, последний стон расстающегося с жизнью человека. Ружаков покосился в сторону Расписного. Вернее, в сторону его безжизненного тела.

«У Вити должен быть «ствол», – мелькнула в сознании шальная мысль. Попробовать добраться до него? Тогда и у него, Кулака, появится реальная возможность внести свою лепту в развернувшиеся на трассе события. Но, с другой стороны, тело Расписного находилось на открытом пространстве. Сколько времени отнимет у него поиск оружия? Да есть ли оно вообще? Расписной вполне мог держать его и в бардачке «Опеля». Хотя, когда Кулак лазил туда за пивом, ничего подобного на глаза ему не попало.

Риск был велик. А разделить печальную участь приятеля Ружакову совсем не улыбалось. Не для того он так долго ждал свободы, чтобы скоростигжно закончить свою неудачную жизнь на обочине загородного шоссе с простреленной навывлет грудью или головой, как Витя. Тогда каков выход? Бежать?

От мысли вернуться в салон «Опеля» Кулак отказался сразу – там он будет еще более доступной мишенью. Да и на автомобиле с пробитыми задними скатами далеко не уедешь.

Ружаков слегка приподнялся и, скрываясь за корпусом «Опеля», попытался окинуть взглядом место сражения. «Бульдог» в черном плаще переместился уже к задней части изрешеченного пулями джипа, где, припав на одно колено, подобно киношным героям дешевых голливудских боевиков, вел беспорядочный огонь с двух рук. Из его подельников в живых к настоящему моменту осталось только двое. Невысокий крепыш, которого Ружаков уже имел честь лицезреть прежде, и еще один его товарищ по оружию, грозно выставивший прямо перед собой на вытянутых руках скорострельный «ПСС». Защитой от неприятельского огня этим двоим служила открытая дверца «Ниссана». Рядом, всего в каком-то шаге от них, истекая кровью, бился в предсмертных конвульсиях их приятель. Его длинные ноги, обутые в светло-коричневые ботинки, сучили по асфальту с характерной периодичностью.

Справедливости ради Ружаков вынужден был отметить, что и другая сторона понесла ощутимые потери. Проще говоря, тот тип, чья пуля едва не поставила жирную точку в жизни самого Кулака в первые мгновения только еще наметившейся перестрелки, был уже трупом. Он лежал лицом вниз, и только редкие порывы ветра то и дело колыхали светлую густую шевелюру на затылке. Скрюченные пальцы мертвой хваткой сдавили рифленую рукоятку pistolета, но оружие уже не представляло ни для кого опасности.

Зато единственный оставшийся в живых пассажир старенькой «шестерки» вел себя поистине героически. Его «стечкин» умолкал ровно на столько, чтобы успеть перезарядиться, и снова заливался истеричным лаем. «Братки» под предводительством «бульдога» не могли достать его своими выстрелами, но и он «шпарил» уже не на поражение, а скорее для острстки.

Положение становилось патовым, пассажир «шестерки» понимал это и сейчас просто отчаянно боролся за собственную жизнь.

Кулак знал, сколько он будет отбиваться, – пока не кончатся запасные обоймы к автоматическому пистолету. Тогда все и завершится. И тогда «бульдог» с бригадой вспомнят и о нем. Возможно, эта обойма и есть последняя? Ружаков решил не дожидаться того момента, когда выяснится этот вопрос.

Единственный путь к спасению лежал для него через лесопосадки. Он вполне успеет пересечь открытое пространство и скрыться в багряной осенней листве деревьев. Заметить этот маневр можно было со стороны «шестерки». С «Ниссана» его не будет видно. Во всяком случае, Кулак на это очень рассчитывал.

И он рванул. Встал на ноги и, не разгибаясь, побежал в выбранном направлении. Ружаков чувствовал, как по его спине, вдоль позвоночника, потекла струйка холодного пота. Мускулы напряглись, ожидая, что в любую минуту в тело вонзится роковая пуля. Но Ружаков не оглядывался. Усилием воли он заставил себя не оглядываться. Расстояние между ним и посадками сокращалось. Кулак мысленно считал шаги до спасительной лесопосадки, отгоняя дурные мысли.

«Стечкин» смолк, когда Ружаков последним невероятным усилием бросил тело вперед и почувствовал, как одна из сухих веток больно стегнула его по лицу. Он инстинктивно прикрыл щеку ладонью. Его пальцы тут же увлажнились и стали липкими от крови. Но сейчас это было не главное. А главное было то, что он все же успел скрыться! Смешаться со спасительной листвой...

Но успокаиваться было рано, поскольку в любую минуту о нем могли вспомнить. И Ружаков бросился вперед с удвоенной силой. У дороги еще какое-то время стрекотали «узи» «бульдога», но минуту спустя смолкли и они. Воцарившаяся тишина буквально оглушила Ружакова. Он дважды спотыкался и падал, касаясь носом опавшей листвы, перемешанной с грязью. Рубашка превратилась в жалкие лохмотья, а две верхние пуговицы оторвались.

Кулака бил легкий озноб, но он был уверен, что это не от пережитого напряжения, а от холода. Что же касается легкого опьянения, которое он испытал в автомобиле приятеля, то от него давно не осталось и следа.

Лесопосадки кончились, и Ружаков вышел на открытое пространство. Впереди, на расстоянии двух-трех километров, виднелись другие заросли – еще гуще, а значит, и надежнее. Так, во всяком случае, казалось Ружакову. Солнце катилось за горизонт, окрашивая серые дождливые тучи в светло-багровые тона. День близился к завершению.

Кулак на минуту остановился, восстанавливая сбившееся дыхание. За шесть лет организм отвык от подобных перегрузок. Во рту все пересохло, и Ружаков беспомощно облизывал потрескавшиеся губы. Пораненная веткой щека продолжала кровоточить.

– Ну, вперед! – подбодрил сам себя Ружаков.

Он огляделся по сторонам и снова пустился бежать. На этот раз по открытому пространству. В тот момент он старался не думать о будущем и о том, каким образом будет добираться до города.

Глава 2

– Ну, как выглядела Маша, я даже спрашивать не стану, – Крячко попыхивал сигаретой, сидя в немного тесноватом для его комплекции салоне «Пежо» рядом с Гуровым. – Тут и так понятно, что ты ответишь. Она, как всегда, бесподобна, как всегда, на высоте... Влюбленность в собственную супругу и в ее божественный талант в тебе неискоренима. Скажи, как сам спектакль? В целом? Не зря потратил время?

Автомобиль с двумя старшими оперуполномоченными Главного управления уголовного розыска МВД РФ Львом Гуровым и Станиславом Крячко стремительно несся по серому, мокрому от дождя асфальту загородного шоссе, держа курс в сторону Кольцевой дороги. Златоглавая уже осталась позади, напоминая о своем близком присутствии лишь разноцветной иллюминацией на фоне черного беззвездного неба. В воздухе откровенно пахло грозой, которая в любую минуту была готова обрушиться на несчастные головы простых смертных. Мелкий морозящий дождик стучал в лобовое стекло, по которому лениво двигались «дворники», очищая его от назойливых капель.

Гуров вынул из бокового кармана куртки пачку сигарет и тоже последовал примеру соратника. Отмахнувшись от густого дыма, повисшего в салоне, полковник чуть приспустил боковое стекло со стороны водителя, и в иномарку тут же ворвался холодный, пронизывающий до костей ветер, который, несомненно, дул с севера.

– Ты завистливый человек, Крячко, – спокойно бросил Гуров, не поворачивая головы. – И это нехорошо. Очень нехорошо. Разве ты не знал, что зависть – это серьезный грех...

– Почему это? – недовольно откликнулся Станислав.

– Что «почему»? Почему зависть – это грех? Так написано в Библии. Ты не читал?..

Крячко раздраженно махнул рукой и, склонившись вперед, загасил окурочек своей сигареты в пепельнице под приборной панелью.

– Не умничай, Лева. Ты прекрасно знаешь, что я спрашивал тебя не о грехах и не о том, что по этому поводу сказано в Библии. С чего это ты решил, что я завистливый?

– Потому что так оно и есть, – Гуров прищелкнул языком. – Ты постоянно завидуешь моему семейному счастью и не упускаешь случая воткнуть шпильку по этому поводу. Как шкодливого пацана какой-то. Стыдись, пан Крячко... Ты не забыл, сколько тебе лет?

– Иди ты знаешь куда, – беззлобно парировал Станислав, но по своей извечной привычке обиженно набычился и мгновенно стал похож на большого нахохлившегося воробья. – Я только хотел узнать у тебя...

Гуров рассмеялся.

– Ладно-ладно. Охолопись, старик, – примирительно сказал он.

Генерал Орлов позвонил на мобильник Гурову час назад, когда тот находился в театре. У Марии была премьера, и она пригласила на это знаменательное для себя событие супруга. У Гурова, на счастье, выдался свободный вечер, и он охотно согласился. Вечер обещал быть приятным, и полковник с удовольствием представлял себе тот момент, когда после премьеры и обязательного в таких случаях банкета он вернется с женой домой и у них наконец появится замечательная возможность остаться наедине. Только он и она. И больше никого. Гуров чувствовал, как от подобных мыслей тепло разливается по телу и согревает душу...

А потом этот звонок в антракте, и все его мечты так и остались мечтами. Взглянув на номер, Гуров негромко выругался, жалея, что не догадался отключить телефон, а еще лучше – оставить его дома. Тогда бы никто не смог его достать, даже разлюбленный начальник и друг в одном лице генерал Орлов. Но, как известно, русский мужик задним умом крепок, поэтому на звонок отвечать все-таки пришлось.

Как выяснилось, вечер Гурову испортили какие-то неизвестные типы, устроившие на загородном шоссе жестокую перестрелку. Результатом этих боевых действий стали четыре бездыханных трупа.

Петра Николаевича Орлова, впрочем, как и других ответственных руководителей правоохранительных органов столицы, озаботили проблемой разобраться в случившемся, а генерал в свою очередь, недолго думая, решил спихнуть эту головную боль на двух своих лучших сыщиков в лице полковников Гурова и Крячко.

– Спектакль я так до конца и не досмотрел, – Гуров зажал тлеющую сигарету зубами и положил обе руки на рулевое колесо. – Но увиденное меня впечатлило... Если тебе это действительно интересно, Стас.

– Интересно. Я вообще впервые слышу, что ты способен быть впечатлительным. Что же конкретно так подействовало на твои эмоции?

– Режиссерская интерпретация. Мне, естественно, доводилось прежде читать Вебера. И с его пьесой «Контракт» я также отдаленно знаком. В том смысле, что помню суть произведения... Но в данном случае режиссер едва ли не перевернул все с ног на голову. По-моему, ни одному, даже самому извращенному, индивидууму не придет в голову прочесть Вебера именно таким образом. – Гуров пожал плечами, и было очень похоже, что в данный момент он больше общался с самим собой, нежели с наблюдавшим с интересом за его суждениями Крячко. – Но он это сделал, Стас. Парадоксально, но факт. Он это сделал. И до чего только не додумаются современные гении, лишь бы хоть как-то выделить себя из общей массы... А появления Маши я, к твоему сведению, так и не дождался. Ее героиня появляется только во втором акте, то есть после того, как мне уже пришлось пообщаться с Петей. Следовательно, о ее личном вкладе в данную постановку я судить не могу.

– Уверен, она не подкачала, – Крячко расплылся в широкой доброжелательной улыбке. – Так что особо не расстраивайся из-за того, что не увидел ее игру.

Гуров недоверчиво покосился в сторону соратника, но Стас только еще раз улыбнулся ему. Он давно уже не видел Гурова таким: рассуждающим о чем-то, не связанном напрямую с его непосредственной работой. О том, что ее не касалось, обычно он старался говорить кратко.

– Я и не расстраиваюсь, – Гуров нахмурился, почувствовав, что Крячко намеренно ерничает в его адрес. – Во всяком случае, не по этому поводу, Стас. Я, знаешь ли, сегодняшний вечер видел для себя несколько иначе. Полагаю, и Маша тоже. Я ведь не сказал ей, что уехал со спектакля. Не смог... – Полковник сверился со своими наручными часами. – Спектакль уже подходит к концу. Минут десять-пятнадцать осталось.

Крячко ничего не ответил. Да и что тут можно сказать? И он сам, и Гуров уже привыкли к подобному образу жизни, когда о себе и своих близких приходится думать в последнюю очередь. Наверняка привыкла к такой постановке вопроса и Маша.

Беседа сыщиков прервалась еще по одной причине – впереди на трассе высветилось скопление автомобильных фар. «Пежо» Гурова достиг места происшествия. Через несколько метров полковник прижал автомобиль к обочине, и они с Крячко неторопливо выбрались из салона.

Представителей различных служб, вырванных из обыденной жизни по долгу службы, прибыло предостаточно. Гуров невольно подумал о том, что их даже слишком много для очередной бандитской разборки. В последнее время этим уже никого не удивишь. Полковник и сам спокойно относился к тому, что преступники убивают друг друга, оказывая таким образом своего рода поддержку органам правопорядка. Конечно, преступление не становится от этого незначительным и в любом случае требует детального расследования, но большая часть вопросов автоматически снимается уже на самом первом этапе. Криминалитет что-то не поделил между собой. Стандартная ситуация. Отсюда стрельба и трупы... Мотивы просты до примитивизма.

Рядом с двумя сине-белыми патрульными машинами у обочины припарковалась и черная «Волга» оперативников из РУБОПа. Чуть дальше по трассе Гуров заметил и автомобиль майора Дмитрука из Центрального РОВД столицы, а также машину «Скорой помощи» и «труповозку». Полный комплект. В самом центре образовавшегося из транспортных средств круга находились еще два автомобиля. Они как раз и являлись средоточием внимания собравшейся публики. Светло-серый «Опель Кадет» с пробитыми задними скатами и двумя лопнувшими боковыми стеклами и старенькая «шестерка» салатного цвета, в настоящий момент больше похожая на решето, чем на средство передвижения. Бесчисленное количество пулевых отверстий в металлическом корпусе свидетельствовало о том, что «Жигули» в течение длительного промежутка времени находились под самым настоящим шквальным огнем неприятельской стороны.

Гуров миновал оцепление и приблизился к покореженной «шестерке». Крячко неотступно следовал рядом. Парочка из РУБОПа – два низкорослых полноватых парня в черных драповых пальто – стояла в стороне от остальных, негромко переговариваясь между собой. Над бесчувственным телом, распластавшимся прямо по центру дороги, склонился пожилой седовласый эксперт, положив рядом с собой на асфальт раскрытый плоский чемоданчик. Дмитрук маячил в отдалении, осматривая вместе с облаченными в синюю форму патрульными светло-серый «Опель».

Гуров присел на корточки рядом с экспертом. Тело поверженного в схватке бойца лежало на животе, но его повернутая набок голова позволяла разглядеть молодое, побитое оспой лицо, подсвечиваемое фонариком медицинского работника. В правой руке убитый сжимал огнестрельное оружие. Затвор замер в заднем крайнем положении, свидетельствуя о том, что в магазине закончились патроны. Похоже, это обстоятельство и погубило паренька. Визуального осмотра Гурову было достаточно, дабы констатировать тот факт, что убитый поймал сразу три пули раскрытой грудью, прошившие его хлипкое тело навывлет.

– Мгновенная смерть? – негромко обратился полковник к седовласому эксперту. – Без всяких мучений?

Эксперт поднял на него глаза. Гуров был уверен, что ему уже доводилось прежде встречать этого человека с усталыми, глубоко посаженными глазами и крючковатым, как у орла, носом.

– Похоже на то, – буркнул седовласый.

– Главное управление уголовного розыска, – Гуров продемонстрировал собеседнику свое удостоверение. – Полковник Гуров.

– Да, я вас знаю, полковник, – эксперт качнул головой и как-то нелепо при этом перевернул острыми, как два клина, плечами. – Но, к сожалению, пока не могу еще сказать ничего определенного. Разумеется, кроме того, что этот парень мертв, – он скупно улыбнулся. – И ориентировочно он мертв уже два с половиной часа. Более точное время будет изложено...

– Я понял, – Гуров машинально отметил время на своих собственных часах. Половина десятого. Стало быть, разборка произошла в районе семи часов вечера. Достаточный промежуток времени для того, чтобы выжившие в перестрелке участники оказались в любой точке столицы или пригородных окрестностей. – Как насчет остальных?

– Остальных? – Эксперт моргнул своими усталыми глазами, не сразу уловив суть задаваемого ему вопроса.

– Остальные трупы, – Гуров поднялся во весь рост. – Насколько мне известно, их четыре.

– Да, верно. Но этот я рассматриваю первым, полковник, – эксперт двумя руками пригладил свои седые волосы. – Еще два тела в машине, – он указал подбородком на «шестерку». – И один там, – движение рукой в сторону «Опеля».

Краем глаза Гуров заметил, что оба рубоповца синхронно двинулись в их направлении. Либо они тоже узнали Гурова, либо желали именно сейчас выяснить для себя, кто он такой

и откуда пожаловал. Полковник и так-то не очень любил контактировать с представителями этого ведомства и уж тем более не имел ни малейшего желания вступать с ними в полемику сегодня.

– Пойдем осмотрим «шестерочку», Стас, – предложил он, поворачивая голову к соратнику. – Она сейчас до боли напоминает мне чем-то вид твоего «Мерседеса».

– Очень смешно, – скривился Крячко. Шутки в адрес его личного автотранспорта были явлением частым, но Станислав так и не научился относиться к ним менее болезненно. – Лучше скажи мне, Лева...

– Что?

Они зашагали к изрешеченному пулями остову автомобиля.

– Я только сейчас подумал об этом...

– Ну, давай, Стас, – подбодрил его Гуров, – не тяни. О чем ты там подумал?

– Зачем мы здесь, Лева? Какого хрена мы тут делаем?

– В каком смысле?

– В прямом. Посмотри, тут рубоповцы, майор из Центрального РОВД, не помню уже его фамилии... Зачем еще нас сюда пригнали на ночь глядя? Для полного комплекта?

Гуров усмехнулся.

– Все просто, Стас. До банального просто. Как попка новорожденного, – полковник вытащил из кармана пачку сигарет. – Кто-то там, наверху, ударил в колокола. Дескать, преступность растет, как на дрожжах. Срочно всем дать по шапке! И кому можно, и кому нельзя. На всякий случай, для профилактики. Ну, чтоб неповадно было. Понимаешь?

– Чего неповадно?

– Расслабляться, – одна из сигарет легла между губ полковника. – Терять бдительность. Смотри-ка!

Гуров указал рукой на «шестерку». Вернее, внутрь ее салона. Крячко неохотно повернул голову. На водительском сиденье с откинутой назад простреленной головой располагался труп смуглого чернявого мужчины, явно принадлежащего к кавказским национальностям. Позади него на истерзанном в клочья поролоне покоилось еще одно тело. Или, если быть более точным, то, что от этого тела осталось. Идентифицировать личность погибшего если и удастся старательным сотрудникам морга, то с огромным трудом. Труп больше напоминал раздробленную неопытным мясником тушу. Алая липкая кровь запеклась на сиденье, перемешавшись с разорванной тканью и вывалившимся наружу поролоном.

– И что? – Крячко все еще старательно пытался уловить ход рассуждений соратника, но пока тишечно. – Чего ты хочешь мне показать? Или ты думаешь, я никогда прежде трупы не видел?

– Стас, ты сегодня на все стараешься реагировать как-то неадекватно, – Гуров покачал головой. – Я просто советую тебе держать глаза и уши открытыми. Смотри, запоминай, фиксируй... И больше ничего. Доложимся Пете, что на месте происшествия побывали, а там... Там высшее руководство пусть само решает, какому ведомству передавать это дело в разработку. А ты ставишь телегу впереди лошади. Непорядок.

Гуров спиной почувствовал приближение рубоповцев. Он не обернулся, не проявил никаких признаков того, что определил чье-то присутствие позади, но знал, что ошибка исключена. Эти двое остановились сейчас за спинами оперативников из Главного управления и фактически дышали им в затылок. Похоже, что Крячко тоже ощутил их, и он, в отличие от Гурова, развернулся лицом к коллегам.

– Ну что, ребята, – дружески произнес один из низкорослых сотрудников из отдела по борьбе с организованной преступностью, – возьмете это дело в свои руки? Вы же из угро? Верно?

– Из угро, – раздраженно парировал Станислав. – А почему вы решили, что мы заберем его себе? У нас это на лицах написано крупным шрифтом?

Второй рубоповец, с плоским, будто укатанным асфальтоукладчиком лицом, сухо засмеялся, очерив при этом мелкие крысиные зубки. Вряд ли шутка Крячко пришлась ему настолько по вкусу, чтобы над ней смеяться. Скорее он сделал это для проформы, автоматически.

Гурову ничего не оставалось делать, как тоже повернуться лицом к незванным собеседникам. Ни для кого не было секретом то, что оперативники различных правоохранительных ведомств не только недолюбливали друг друга, но и конкурировали между собой. Причем конкуренция эта выражалась в несколько странном виде. Например, считалось огромной удачей спихнуть «тухлое» расследование на чужие плечи и радоваться, как «коллеги» из соседнего ведомства пытаются развести эту большую кучу дерьма, увязая в ней по колено. Криминальные разборки были из числа таких дел, ибо в большинстве своем не приводили ни к чему. Ни тебе свидетелей, ни правдивых показаний задержанных...

– Ну а почему бы и нет? – живо вклинился в разговор Гуров, прежде чем словесная перепалка Крячко и сотрудников РУБОПа могла перерасти в открытый конфликт, что само по себе не исключалось. – Если наверху посчитают, что это дело не по зубам вашему ведомству, то придется нам трудиться засучив рукава. Малопривлекательная перспектива, конечно, но, как говорится, что выросло, то выросло. Мы всего лишь бойцы невидимого фронта.

Мгновенно скрылись острые крысиные зубы плосколица рубоповца, а его напарник напряженно засопел носом, то и дело раздувая ноздри. Тирада полковника из главка пришлась рубоповцам не по душе.

– Но есть и более благоприятный исход для всех нас, – Гуров миролюбиво улыбнулся, но любому бы стало ясно, насколько нарочито наигранным было подобное выражение лица. – Может, Дмитрук изъявит желание забрать дело себе?

Он небрежно качнул квадратным подбородком в направлении майора из РОВД, продолжавшего дотошно осматривать «Опель», то обходя по периметру и разглядывая недра салона, то вдруг присаживаясь на корточки и изучая пробитые пулями задние скаты. Двое сотрудников в форме патрульной службы, как попугаи, повторяли едва ли не каждое действие Дмитрука.

– Хотя, – Гуров задумчиво погладил ладонью свою выбритую до синевы щеку, – его рвение наверняка напрасно... Сдается мне, наличие ОПГ в этом деле очевидно. А может, даже и не одной.

– Об этом ничто не говорит, – поспешно заявил оперативник с плоским лицом, но Гуров в ответ только пожал плечами.

Повисло напряженное молчание. Гуров докурил сигарету и отшвырнул окурок в сторону щелчком. Тяжелая рука полковника легла на плечо Крячко.

– С «шестеркой» все ясно, Стас, – буднично произнес он. – Пошли глянем, что там с иномаркой.

И, не дожидаясь реакции соратника, Гуров зашагал в нужном направлении. Крячко, ухмыльнувшись, мазнул взглядом по закаменевшим лицам рубоповцев и последовал за товарищем.

Игорь Дмитрук, сорокалетний кряжистый мужчина с огненно-рыжими волосами и щеточкой усов над верхней губой такого же цвета, склонился над задним бампером «Опеля» и зачем-то старательно обвел пальцем вокруг ровного девятимиллиметрового пулевого отверстия. Оглянулся назад, прикидывая возможную траекторию. Крячко приветственно вскинул руку, и Дмитрук разогнулся. Лицо его было хмурым и чрезмерно сосредоточенным.

– Наше вам, майор, – приветствовал его Станислав, пожимая оперативнику руку. – От всей души и с нижайшим поклоном. Накопали уже что-нибудь?

Гуров тоже обменялся с Дмитруком рукопожатием, но без словесных выкрутасов.

– Накопали, – майор подергал тугой ворот рубашки и сплюнул себе под ноги. – Четыре трупа накопили. И две машины, похожие на решето.

– Это мы уже заметили, – лаконично ответил Гуров.

– По-вашему, это мало?

– По-нашему, это много. Так же, как и по-вашему.

Однако майор Дмитрук был не из тех людей, кто охотно воспринимал юмор. Напротив, для него такого понятия не существовало вовсе. Гуров, например, никогда не видел его хотя бы улыбающимся.

– Я поражаюсь тому, как распоясались эти отморозки, – свои слова Дмитрук сопровождал ударом правого кулака о раскрытую левую ладонь. – Что ни день у них, то перестрелки. И, главное, не боятся никого. Чувствуют, суки, свою безнаказанность. Или как это?.. Вседозволенность. Во! У всех же везде прихваты. Связи, блат... Нас подняли по тревоге: поезжай, разбирайся... А дальше что? За задницу-то никого не возьмешь. Кто стрелял? Какой-нибудь Вася-Хлыщ, авторитетный в своей среде «браток»? Прекрасно. На нем все эти четыре трупа, но его дядя – крупная шишка. В министерстве или еще где-нибудь. И что прикажешь с этим Хлыщом делать? Ясно что. Пожурить и отпустить. На поруки... Или как теперь это называется?.. В любом случае суд будет к Васе гуманным. А то, что мы тут ползаем вдоль дороги, улики разные ищем, а потом еще и под пули лезем этого Хлыща безбашенного – так на это все положить. Потому как у меня, например, никакого дяди в министерстве нет...

– У меня там тоже ни одного родственника, – Крячко соорудил такую жалостливую физиономию, что Гуров не смог сдержать улыбки.

Полковник вынужден был отвернуться, чтобы Дмитрук не заметил этой его несвоевременной веселости. А то ведь и заподозрить в сговоре с Васей-Хлыщом может.

– То-то и оно, – майор воспринял реплику Станислава серьезно, как и все, что ему говорилось.

– А кто такой Хлыщ? – не унимался Крячко.

– Чего? – Большие карие глаза Дмитрука на его покрытом веснушками узком лице округлились. – А! Хлыщ... Да нет, это я так... образно...

– Образно, – эхом откликнулся Крячко. – Тогда понятно. А я думал, и впрямь на след напали, майор.

– Какой тут теперь след, – Дмитрук махнул большой лопатообразной рукой. – Ищи ветра в поле! Они на стрелку прикатили, бах-бах – и до свидания. Поминай как звали. Короче, как мне кажется, это дело – очередной стопроцентный «глухарь», – он облизал губы, и в его глазах блеснула искорка затаенной надежды. – А вы себе его заберете?

– Кого?

Крячко понимал, куда клонит майор, но дискуссия с этим рыжеволосым оперативником забавляла его.

– Ну... Это дело...

– Не знаю, – полковник пожал плечами. – Пока не знаю. Сие есть тайна, покрытая мраком. Никакой команды пока не поступало. Но эти вон двое, из РУБОПа, – Стас указал назад, где возле «шестерки» осталась низкорослая парочка коллег, – только что звонили своему начальству. Отрапортовались по всей форме и высказали свое мнение, что дело это явно нужно прикрепить к Центральному РОВД. Дескать, ОРПГ тут и не пахнет...

Дмитрук подскочил на месте как ужаленный. Его и без того огромные глаза, казалось, выкатятся сейчас из орбит. Нижняя губа затряслась от охватившего майора негодования.

– Как это ОРПГ тут не пахнет?.. – даже голос его заметно дрогнул. – Да они что, с ума, что ли, походили? Или охренели вконец?..

Крячко остался невозмутим. Он только развел руками, как бы демонстрируя, что он тут ни при чем и за тараканов в голове у оперативников РУБОПа он ответственности не несет.

– У того, что пониже, с плоским лицом... Видите?

– Ну?

– У него сестра двоюродная в административном аппарате работает. Высокий пост занимает, как мне говорили...

– Вот черт... – на осунувшемся лице Дмитрука отобразилась досада.

Гуров присел на корточки возле трупа молодого человека в кожаной куртке и темных джинсах. Пуля угодила пострадавшему в левую часть черепа. Лицо залито кровью, но различить его черты было возможно. И полковник не мог не узнать этого человека. От беспечности и скучающего состояния не осталось и следа.

– Стас! – бросил он через плечо, не поворачивая головы. – Хорош трепаться, Стас. Иди-ка сюда!

Крячко оставил майора, продолжавшего неприязненно пялиться в сторону двух рубоповцев, и приблизился к соратнику. Присел рядом с ним.

– Взгляни, Стас, – Гуров указал ему на убитого. – Не узнаешь кадра?

Секунд двадцать, не больше, Крячко внимательно разглядывал окровавленное лицо парня, затем удивленно присвистнул.

– Елы-палы! Это же Витя-Расписной. Да, Лева? Я прав?

– Прав, Стас. Прав на все сто. Это он.

– Но какого?..

– Хороший вопрос, старик, – Гуров поднялся на ноги и заложил руки в карманы куртки. – Очень хороший вопрос. И, знаешь, мне все это не очень нравится. Похоже, что нам с тобой придется...

Полковник не завершил начатой фразы. Мысли его уже закрутились в каком-то ином направлении. Он обошел осевший на задние оси «Опель» и остановился с противоположной стороны. Взгляд Гурова сфокусировался на земле в придорожной канаве, затем поднялся и устремился на тянувшиеся вдоль дороги лесопосадки.

– О чем ты думаешь, Лева?

– Пойдем-ка прогуляемся, старик. Подышим свежим воздухом.

Крячко не стал спорить и покорно двинулся вслед за спустившимся с трассы Гуровым. Тот же, глядя себе под ноги, целенаправленно двинулся к зарослям деревьев. Наверняка в голове у Гурова уже имелись какие-то свои личные соображения, но Станислав не торопил его с разъяснениями. Он знал, насколько это бесполезно. Если Гуров захочет, он сам посвятит напарника в суть личных умозаключений. А если нет... Вытягивать из него клещами сейчас каждое слово – процесс трудоемкий и, по существу, бесперспективный. Кому как не Крячко было знать об этом из собственного жизненного опыта?

Станислав прекрасно помнил историю шестилетней давности, когда они с Гуровым прищучили крупную столичную группировку, промышлявшую рэкетом. Тогда, в девяностых годах, среди борзой молодежи это был самый модный вид бизнеса. Во главе той группировки стоял Антон Ружаков. Он же Кулак. Витя-Расписной, или, как значилось в его документах, Виктор Михайлович Ляпушев, принадлежал к той же группировке. Однако от суда Ляпушеву удалось отмазаться. Во многом благодаря показаниям Ружакова. А вернее, в силу отсутствия этих показаний в адрес друга Виктора. Но и он, полковник Крячко, и его друг и соратник Лев Гуров прекрасно знали, что Расписной в группировке Кулака выполнял далеко не безобидные функции...

Широким размашистым шагом Гуров достиг лесопосадок и остановился. Достал из кармана маленький компактный фонарик-карандаш, щелкнул кнопкой и направил острый режущий луч света себе под ноги. Несколько минут он неподвижно стоял на одном месте, изучая в свете перемещавшегося то в одну, то в другую сторону фонарика землю у себя под ногами. Крячко молча наблюдал за его действиями, но терпение его оказалось не безграничным.

– Чего ты ищешь, Лева?

Гуров не ответил. Шагнув вперед, он нагнулся и поднял с земли желтый осенний лист. Улыбка скользнула по губам полковника. Он обернулся к соратнику:

– Взгляни, Стас.

На листе отчетливо был виден след от капли крови. Крячко сдвинул брови к переносице, осмотрел лист, затем поднял взгляд на Гурова.

– Слушай, не выделяйся, а? – недовольно проворчал он. – Не строй из себя Эркуля Пуаро. Или этого, как его... Ниро Вулфа. Я, конечно, знаю, ты жутко умный, Гуров. Настолько умный, что иногда тошно становится. Но из меня-то кретина не делай...

– Угомонись, Стас, – миролюбиво откликнулся полковник. Фонарик погас в его ладони и вернулся на прежнее место в карман. – У меня просто созрела кое-какая догадка. Но пока еще не подтвержденная...

– И поэтому ты мне о ней ничего не расскажешь?

– Расскажу. Но по дороге.

– По дороге куда?

– Едем к Орлову!

Гуров круто развернулся и стремительно зашагал в обратном направлении. Окрестности уже окутал непроглядный мрак, и в эту безлунную ночь единственным источником света являлись только фары патрульных машин, расположившихся у места недавней перестрелки. Гуров шел, ориентируясь именно на них.

– Домой к Петру? Сейчас? – Крячко нагнал соратника и шел теперь в ногу с ним.

– Конечно, сейчас, Стас. Хватай мешки, вокзал отходит, старик. Если я прав в своих рассуждениях, мы с тобой не имеем права терять ни одной лишней секунды.

– Прав в чем? Конкретно? Что за рассуждения?

– А ты неугомонный, – в присущей для него манере хмыкнул Гуров. – Сказал же – все подробности по дороге. Лучше позвони Петру и скажи, что мы едем к нему. Пусть спустится вниз, на улицу. Нечего в такой час беспокоить его домочадцев. И вот еще что... Пока мы находимся в пути, пусть он свяжется с кем-нибудь из наших ребят в архиве. Меня интересует вопрос по Антону Ружакову. Когда он должен освободиться. Желательно, чтобы информация была как можно более точной.

– Постой-ка, постой-ка, – Крячко хлопнул себя по лбу. – Я, кажется, начинаю улавливать суть твоей мысли. Ты хочешь ска...

– Молодец, Стас, – оборвал соратника Гуров. – А сейчас давай звони. Время ждать не будет.

Шагнув на трассу, Гуров прямым ходом направился к своему «Пежо». Седовласый эксперт уже оставил в покое труп лежащего на дороге парня и взялся за погибших пассажиров «Жигулей». Вокруг исследованного им тела теперь копошились санитары с брезентовым черным мешком для транспортировки трупов. Двое рубоповцев, демонстрируя полнейшее равнодушие ко всему происходящему, погрузились в свою «Волгу». О чем у них шли между собой переговоры, оставалось полнейшей загадкой для остальных. Дмитрук, выглядевший теперь мрачнее тучи, курил рядом со своим авто, и его огненная шевелюра, подсвеченная галогенными огнями, была заметна даже на столь далеком расстоянии.

Гуров запустил двигатель «Пежо», но не трогался с места, дожидаясь, когда в салон вернется Крячко. Стас на удивление быстро и проворно завершил телефонные переговоры с Орловым. Грузно плюхнулся рядом с напарником на переднее сиденье автомобиля французского производства.

– Ничего не перепутал? – Гуров включил первую передачу, и машина, подчиняясь его нехитрым действиям, плавно сошла с места.

– Обижаешь. Не сказать, что Петя был особенно доволен, но... Ладно, вернемся к нашим баранам, Лева. Ты полагаешь, Кулак вышел на свободу и живо ввязался в криминальную разборку с целью вернуть себе былой вес и авторитет?

– Насчет веса и авторитета – это уже твои собственные догадки, Стас, – Гуров пристально вглядывался в крошечную темноту, взрезаемую лишь светом фар его «Пежо», резво несущегося по направлению к центру столицы. – Я лишь склонен предположить, что без его участия сегодняшняя кровавая акция не обошлась. Расписной – сам по себе ничто. Ты же знаешь это. Должен помнить по тем допросам, на которые его приглашали. И последующие шесть лет Витя Ляпушев вел себя очень примерно. Ни в какие разборки не ввязывался, ни на чем криминальном замечен не был... Одним словом, вел спокойную размеренную жизнь законопослушного гражданина. А законопослушных граждан, Стас, как известно, не убивают во время загородной перестрелки с применением такого большого количества боеприпасов. Отсюда я и делаю вывод, что нечто определенное послужило для Расписного своего рода толчком. Трамплином, если хочешь.

– Кулак?

– Сомнительно, что есть иные причины, – уклончиво ответил Гуров. – Но я не стану рвать на себе рубаху и утверждать, что их не существует вовсе. Для этого мне и хотелось бы получить точные сведения о том, когда Ружаков должен выйти на свободу.

– А кто остальные ребята? Например, пассажиры «шестерки»?

– Я похож на пророка, Стас? Или на ясновидящего? Надеюсь, когда проведут их опознание, ситуация более или менее прояснится.

Полковник замолчал. Мелкий дождь все так же навязчиво стучался в лобовое стекло, ветер подхватывал одинокие капли и направлял их под косым углом. Сквозь затянувшие небо свод черные тучи не проглядывало ни одной звездочки. Освещенный фарами мокрый асфальт убегал из-под колес «Пежо», невольно привлекая к себе внимание как единственный различимый в общем мраке объект.

Крячко сунул в рот сигарету и закурил. Всю оставшуюся часть пути до Москвы, а потом и до района, где проживал генерал Орлов, он терпеливо хранил молчание. Ни с какими иными расспросами к Гурову не лез, мысленно сетуя только на то, что, невзирая на его изначальное негативное отношение к этому делу, они со Львом все-таки умудрились вляпаться в него по полной программе. Если уж Гуров загорался чем-то, то остановить его не могла никакая реально существующая в природе сила. Он пер до конца, как раненый бык, видя перед собой только намеченную цель. Так было всегда, и сомневаться в том, что данный инцидент не станет исключением из правил, Станиславу не приходилось.

Орлов поджидал сыщиков в детской беседке, расположенной во дворе его дома. Облаченный в синее трико и рубашку навыпуск, Петр Николаевич накинуд поверх домашней одежды только легкое демисезонное пальто. Волосы у генерала были взлохмачены. Вряд ли он спал в то время, когда ему позвонил Крячко, но то, что валялся на диване перед телевизором в расслабленной позе, – так это наверняка.

Гуров припарковал «Пежо» неподалеку от арки, и они со Станиславом вышли из салона. Торопливо направились к беседке. Двор освещался редкими желтыми прямоугольниками освещенных окон близстоящих домов. Поэтому территория выглядела пустынной и мрачной.

– Вы знаете, который час, ковбои полуночные? – негромко произнес Орлов, едва оперативники ступили на порог беседки.

– Петя, не мы искали приключения. Они сами нашли нас.

Гуров сел слева от генерала, Крячко справа. Завывающий ветер делал их слова еще тише. Подхватывая на лету, он относил их куда-то вдаль, к последнему подъезду высотной многоэтажки.

– А вернее, они нашли тебя, а ты уже нашел нас, – ввернул Крячко.

– Ладно, не будем размазывать кашу по тарелке, – спокойно заявил Гуров и приподнял воротник своей куртки, защищаясь от приносимых ветром капель дождя. – Сейчас уже речь не об этом. Ты узнал то, о чем мы тебя просили?

Генерал кивнул. В отсутствие посторонних взглядов и уж тем более когда обстановка совершенно не соответствовала служебной, его старые друзья обращались к нему на «ты» и по имени. Орлов ничего не имел против такого положения вещей. Он был не из тех людей, кто, получив генеральские нашивки на погоны, чурается надежных и старых приятелей.

– Узнал, Лева, узнал. И в очередной раз поразился твоей интуиции...

– Какой интуиции? – полковник напрягся.

– По каким-то пока неизвестным мне причинам, но которые, я надеюсь, ты разъяснишь мне в самое ближайшее время, ты поинтересовался Ружаковым именно сегодня. Именно сегодня, – вторично повторил Петр Николаевич, делая акцент на этих двух словах, – потому как срок у Ружакова должен был закончиться сегодня.

– Должен был? – недоверчиво переспросил Гуров.

Орлов махнул рукой:

– Не лови меня на слове, Лева. Я тебе не подследственный какой-нибудь. Ты сам прекрасно понял. Раз должен был, значит, закончился. Я не поленился получить точную информацию на этот счет. Сегодня в восемнадцать тридцать пять Антон Ружаков покинул пределы колонии, получив на руки все свои вещи и документы. Срок завершился, и он вышел на свободу. Что называется, с чистой совестью.

Гуров и Крячко переглянулись, и последний издал неопределенный гортанный звук. Орлов это заметил и раздраженно хлопнул себя по отставленному в сторону колену.

– Может, хватит уже в молчанку играть? – В голосе Петра Николаевича проступили генеральские нотки. – Что у вас? Рассказывайте. При чем тут Ружаков?

Закурив сигарету, Гуров вкратце изложил Орлову все то, что они с Крячко собственными глазами видели на месте происшествия, и завершил рассказ проведенным им самим визуальным опознанием Вити-Расписного.

– Вот и получается по всем раскладам, Петя, что Расписной ездил встречать освободившегося Кулака. Направление трассы это подтверждает...

– Постой-ка, умник, – перебил полковника старший по званию. – Что же это получается по твоей версии? Не успел Ружаков выйти из тюрьмы, свободного воздуха набрать в легкие, а уже кинулся права качать? Разборки с кем-то устраивать?

– Это уже вопрос из другой области, – Гуров выбросил сигарету и машинально, будто он находился в замкнутом пространстве, разогнал рукой несуществующий дым. – Мы даже не знаем других участников сегодняшней перестрелки. Не говоря уже о мотивах, побудивших стороны прийти к столь резким аргументам. Все это еще только предстоит выяснить. Но один факт совершенно неопровержим. Это труп Виктора Ляпушева по прозвищу Расписной. Вероятнее всего, «Опель» тоже принадлежит ему. И в этом «Опеле» Витя был не один. Сколько было человек с ним? Затрудняюсь ответить. Но один был – это точно.

– Ружаков, – скорее утвердительно, нежели в форме вопроса произнес Орлов.

– Ружаков, – Гуров кивнул. – И это для нас реальная зацепка. Найдем Ружакова – отыщется и ключик ко всему делу.

До конца Гуров не верил в произносимые им слова. Но посвящать в суть колебаний своих близких соратников он сейчас не собирался. Целостной картинки не было. Не было пока даже ее смутных очертаний. А больше всего полковник не любил блужданий во тьме. Нужна конкретика. Нужна определенность.

– Что требуется от меня? – по-деловому осведомился Петр Николаевич.

Он уже чувствовал боевой настрой подчиненного и знал, что удерживать того от каких-либо действий сейчас не рационально. Гуров славился в Главном управлении не только своим

умом и своей интуицией. Полковник обладал еще и жесткой хваткой и обычно не мог успокоиться до тех пор, пока не доводил дело до конца.

– От тебя? – Гуров задумчиво поскреб подбородок. – Пожалуй, ничего. Команда к действию.

– Считайте, что вы ее получили. Можете действовать, ребята.

Шумный глубокий вздох Крячко привлек внимание Орлова и Гурова. Оба одновременно повернули головы вправо. Даже в темноте можно было без труда разглядеть подавленный, наполненный неподдельной печалью взгляд Станислава.

– Это называется – без меня меня женили, – сказал он. – Я угадал? Мы все-таки берем себе это гнилое идохлое дело?

– Оно не такое уж идохлое, как тебе кажется, Стас, – приободрил напарника Гуров. – Ружаков шесть лет провел в неволе. За это время многие его связи смазались, многие испарились совсем. В Москве на поверку окажется не так уж и много людей, с которыми он выйдет на контакт. Мы отыщем Кулака и через него уже раскрутим все это дело о перестрелке на загородной трассе.

– У тебя есть определенный план, Лева? – обратился с вопросом к Гурову Петр Николаевич.

– План тут может быть только один, – полковник усмехнулся. – Как в том анекдоте. Некогда думать, трясти надо. Вот и нам предстоит трясти. Информаторов. Причем пойдем по горячим следам, наступая Ружакову на пятки. Это возымеет свое действие.

Гуров принял решение. Обсуждать тут уже было нечего, и Орлов, зябко кутаясь в свое легкое пальтишко, поднялся со скамейки. Многие освещенные до этого окна тоже благополучно погасли, и теперь светящиеся прямоугольники можно было в буквальном смысле слова пересчитать по пальцам. Попрощавшись с подчиненными и взяв с них слово непременно держать его в курсе событий, генерал зашагал к своему подъезду. А вскоре и вовсе скрылся из виду, растворившись в темноте. Гуров потянулся за новой сигаретой, но передумал.

Крячко сидел, низко склонив голову и пропустив сцепленные в замок руки между колен. Во всем теле он чувствовал усталость и мечтал сейчас только о том, чтобы поскорее принять горизонтальное положение.

– Слушай, а чья это кровь на листе, который ты мне показал там, у лесополосы?

Погруженный в свои мысли Гуров ответил не сразу:

– Я полагаю, Ружакова. Он не уехал на «Опеле» и вряд ли у него была еще одна запасная машина. Отсюда я сделал вывод, что он ушел с места разборок пешком. И единственный оптимальный путь для него лежал через эти лесопосадки. Он вышел на другую дорогу, поймал попутку и таким образом добрался до Москвы. Но это только версия, Стас. Не забывай.

– Не разговаривай со мной, как с первокурсником, – беззлобно огрызнулся Крячко. – Выходит, Ружаков ранен?

– Если и так, то ранение его несерьезное. Слишком мало крови.

Гуров поднял голову и посмотрел на окна квартиры Орлова. Вернее, туда, где эти окна могли предположительно находиться. Свет так и не загорелся. Петр не стал тревожить семью. Разделся и нашел кровать в полной темноте. Полковник улыбнулся, представив себе, как генерал на ощупь пробирается по квартире.

Порывы ветра понемногу стихали. Они становились реже и не такими сильными. Благодаря этому обстоятельству менее чувствовался морозящий дождь. Гуров поднялся и вышел из беседки. Запрокинул голову. Кое-где между хмурыми тучами обозначился обнадеживающий просвет.

– Ну, поехали, Стас, – бросил он соратнику.

– Надеюсь, по домам?

Крячко готов был дать руку на отсечение, что ответ на его вопрос будет отрицательным. Об этом свидетельствовало не только поведение Гурова, но и весь его внешний вид. Борзая, почуявшая запах преследуемой дичи. Но спросить было не лишним. А вдруг фортуна соизволит улыбнуться Станиславу? Но эта коварная особа, как и прежде, не шибко благоволила к Крячко.

– Твои надежды тщетны, старик, – последовал безжалостный ответ Гурова. – Я уже говорил, обстоятельства не позволяют нам сейчас отдыхать и расслабляться. Успеем еще, Стас. Но не сейчас. Для нас с тобой день только начинается.

– Куда же ты решил направить наши стопы? – поинтересовался Крячко, когда оба оперативника уже шли к машине Гурова.

Надежды на скорое возвращение домой рухнули, и сетовать на судьбу-злодейку теперь не имело никакого смысла. Станислав достаточно быстро смирился со своей участью. К таким поворотам жизненного сюжета он за долгие годы службы и сотрудничества с Гуровым успел привыкнуть. Хочешь не хочешь, кто тебя спрашивает?

– Прокатимся сначала до Арсена. Послушаем, что он нам поведаст о дружках и подельниках Ружакова. Кто, где, чем сейчас дышат... В любом случае будем ориентироваться по обстоятельствам.

– Лады, – в очередной раз за сегодняшний вечер, казавшийся ему теперь бесконечным, Крячко сел на переднее пассажирское сиденье «Пежо». Гуров уже был за рулем. Двигатель завелся с полоборота. – Заскочим по пути в какую-нибудь ночную забегаловку? Или в ларек? Я хоть орешков пожевать возьму.

– Орешков купим, – радушие и широта души Гурова не знали границ. – Я же не хочу, чтобы ты с голоду окоchureлся. А что бы ты и вовсе не держал на меня зла, орешки за мой счет.

– Как это мило, Лева. Не надо, а то я сейчас расплачусь.

– То-то! Помни мою доброту, друг.

– Да разве ее забудешь?

Через низкую арку, выделявшуюся на фоне ночи еще более темным пятном, «Пежо» покинул двор дома, где проживал генерал Орлов, сразу свернул влево и, шурша шинами по асфальту, устремился к Садовому кольцу. Количество транспорта на дорогах было минимальным, а потому перемещаться по ночному городу всегда было проще и вольготнее, чем в дневное время суток.

– Мы давненько уже не обращались к Арсену за информацией, – вроде как между прочим заметил Крячко. – С чего ты решил, что он захочет поделиться ею с нами теперь? В последнее время кавказцы оборзели до беспредела. Причем все поголовно. Для них Москва – второй дом родной. И самое смешное, что они тут вроде как размножаются. Делением. То бишь растут в количественном соотношении на глазах. Я всегда думал, Лева: почему кавказцы – это сила? И сам для себя пришел к следующему выводу. Они сплоченнее. Сплоченнее, чем мы, русские. Ты когда-нибудь видел, чтобы один русский вступился на улице за другого, если его быют кавказцы? Такое можно наблюдать лишь в самых редких случаях. И то, если эти двое хотя бы отдаленно знакомы. А у кавказцев все наоборот. Ты бьешь ему в морду, и если это видит кто-то из его соплеменников, он как коршун бросается на тебя. Защищает товарища, только исходя из националистических соображений. Прежде они и знать-то друг друга не знали, а получается...

– Стас, – Гуров поморщился, – ты меня утомил. Я что, каким-то образом дал понять, будто нуждаюсь сейчас в лекции о разностях менталитета? Или у меня это на лбу написано?

Крячко заерзал на сиденье и демонстративно отвернулся к окну. Его нижняя губа выпятилась, всем своим видом Станислав показывал, как сильно он задет за живое непониманием со стороны соратника.

– Недалекий ты человек, Гуров. Нельзя же так узко мыслить. Я к чему тебе все это говорю?..

– Ты начал с Арсена, – любезно напомнил Гуров.

– Вот именно. И к тому, что он мог измениться за то время, что мы не общались с ним.

– Ничего. Могу тебя уверить, что, если у меня появится необходимость дать ему по зубам, на помощь никто не примчится.

– Я не об этом. Он просто пошлет нас куда подальше...

– Вариант прежний, – невозмутимо ответил Гуров. – Дадим ему по зубам.

Крячко зевнул так, что хрустнула челюсть. Потянулся.

– Логично. Ты обладаешь уникальным даром убеждения.

Реакции Гурова на это уже не последовало. Миновав Садовое кольцо, он вывернул руль вправо и направил «Пежо» по Гвардейской. В пределах трех кварталов и стоял дом, который интересовал их с напарником. Гуров остановился за перекрестком. На всякий случай машинным движением проверил наличие оружия в наплечной кобуре и только после этого заглушил двигатель. Фары «Пежо» погасли.

– Арсен всегда останется для нас Арсеном, Стас, – сказал Гуров, как бы завершая недавно прерванную дискуссию. – То, что мы его не беспокоили в последнее время, ничего не меняет. С крючка его еще никто не снимал. А сделать это самостоятельно нереально. Ты когда-нибудь видел рыбу, снявшую себя с крючка?

– Нет, не видел.

– Потому как это – нонсенс, старик. Ладно, пошли.

Они выбрались из салона. Дождик уже прекратился, но в воздухе все еще веяло прохладой и пахло прибитой к асфальту пылью.

– Мы забыли купить орешки, – разочарованно протянул Крячко.

– Забыли, – не стал оспаривать очевидного Гуров. – Ну, на обратном пути непременно купим.

– Обман. Кругом один обман, – Крячко явно жаждал получить «Оскара» за роль святого мученика. – Как можно жить, когда нет доверия даже к напарнику? Сегодня он забыл купить тебе орешков, а завтра забудет прикрыть твою спину...

Гуров уже не слушал его. Печатая шаг, полковник двигался к дому, где проживал его старый проверенный информатор Арсен Муренов.

Глава 3

Грузный водитель с широким отечным лицом и неровно подстриженной бородкой не умолкал ни на секунду за все время пути до столицы. Ружаков слушал его вполуха, погруженный в собственные мысли. Бесконечный словесный поток частника, представившегося Михаилом, начинал утомлять Ружакова, но он подавлял в себе растущее раздражение, не позволяя эмоциям выйти наружу.

Он и так-то изначально вызвал определенные подозрения у этого Михаила, когда остановил его «Москвич» на загородной трассе в половине десятого вечера. Но природное красноречие и на этот раз сослужило Кулаку добрую службу. Рассказанная водиле байка про подвыпившую компанию грибников, от которой он, Ружаков, якобы и отбил, вполне удовлетворила неприятельного столичного обывателя. Но с этого момента и начались длинные занудные рассказы самого Михаила, основанные на личных воспоминаниях. Он завел дискуссию и о собирании грибов, и о рыбалке. Затем, по его словам, выходило, что он принимал самое деятельное участие в настоящей профессиональной охоте на кабана. И в каждой истории непременно присутствовал какой-нибудь забавный, с точки зрения Михаила, казус. Он сам шутил и сам смеялся, не обращая внимания на тупое равнодушие попутчика.

Кулак мучился вопросом, как ему поступить дальше. Куда податься в столице, чтобы некоторое время его никто не мог найти и достать? Желательно, чтобы в свете новых недавних событий на трассе, повлекших за собой смерть Вити-Расписного, о его персоне и вовсе забыли. Но такое было маловероятным. Сейчас на месте событий наверняка всю орудуют менты. Труп Расписного будет опознан, и подозрения в соучастии непременно падут на него. Опера будут землю носом рыть, чтобы достать его. Хотя...

Кулак пошарил в просторных карманах своих штанов, но курева обнаружить не смог. Взгляд скользнул по приборной панели «Москвича». Ни пачки сигарет, ни зажигалки. Михаил явно относился к личностям некурящим. Ружаков стиснул зубы.

Менты... Возможно, менты для него сейчас наименее безопасный вариант. Безусловно, будут и другие личности, задействованные в его поисках. Взять, например, того же бульдогообразного мужика в длинном черном плаще и его бригаду. Почему-то встречаться с ними вторично у Ружакова не было никакого желания. Даже если там, на дороге, между ними вышли какие-то непонятки и Расписной не имеет к произошедшему никакого отношения, Кулака в любом случае будут теперь стремиться убрать как ненужного свидетеля. Аналогичные чувства должна испытывать и вторая сторона. Приехавшие на «шестерке» парни не пылали теплыми, дружескими чувствами по отношению к «бульдогу», но от этого они не становились друзьями и соратниками Кулака. Для них он такой же свидетель. Свидетель, подлежащий ликвидации.

Но больше всего Ружаков мучился оттого, что не понимал, что происходит. Расписной, как он предполагал, мог оказаться не при делах... Но могло быть и наоборот. Витя знал что-то, о чем не успел рассказать вышедшему на свободу давнему подельнику. И теперь он унес эту тайну с собой в могилу.

Первым побуждением Ружакова было податься в Москве к еще одному своему старому корешу по кличке Дрон. Шесть лет назад Дрон был одним из тех, кто проходил с Ружаковым по одному делу, но получил, в отличие от бригадира, всего четыре года. Отсюда выходило, что Дрон уже два года как находится на свободе. Насколько вероятно то, что он мог быть в курсе тех дел, которые крутил Расписной? Ответ напрашивался сам собой: очень вероятно. Значит, к Дрону?

Кулак покачал головой, отзываясь на собственные мысли. Чем дышит сейчас Дрон? Насколько глубоко он в деле? Что вообще творится в Москве? Все эти вопросы были для Ружакова тайной, покрытой мраком. Нельзя соваться в пекло очертя голову. Тогда куда?

К Верке! Решение вспыхнуло в сознании Кулака, как красный свет стоп-сигнала при резком торможении. Он почувствовал, как сильно забилося у него сердце и какое-то напряжение пробежало по нервам. Ружаков замер, целиком сконцентрировавшись на внутренних ощущениях, затем перевел дыхание и усилием воли заставил себя стать совершенно спокойным. Конечно же... И как он сразу не догадался?

Квартира Веры сейчас – единственное место в Москве, куда он мог безбоязненно податься и как минимум привести там свои мысли в порядок. Отлежаться, осмотреться, оценить ситуацию. Верка поможет ему и наскрести информацию о Дроне.

О связи Ружакова с Верой Найденовой знал только один-единственный человек: Расписной. Но он уже не откроет рта. В этом можно было быть совершенно точно уверенным. За шесть лет Верка раз пятнадцать навещала его в колонии. То есть, грубо говоря, каждые полгода. Приезжала она последний раз за два с половиной месяца до освобождения Кулака. Так какие же тут могут быть сомнения? Верка примет его. Без всяких вопросов примет.

Взбодренный этой мыслью, Кулак позволил себе улыбнуться. Повернув голову влево, он уже дружелюбнее посмотрел на водителя Михаила. Его болтовня теперь не казалась такой раздражающей.

В освещенную яркими огнями иллюминации и неоновых рекламных плакатов Москву Ружаков прибыл в начале одиннадцатого часа. Уже не раздумывая, бодро назвал Михаилу адрес Найденовой и попросил доставить его именно туда. Подался немного назад и взглянул на свое отражение в зеркале заднего обзора. Рана на щеке уже перестала кровоточить, и Кулак стер с нее запекшуюся кровь. Вытер лицо рукавом рубашки, но это мало что изменило. Да и сама рубашка Ружакова оставляла желать лучшего. Ну, ничего. Верка примет его и таким.

Настроение у Ружакова заметно поднялось. Когда «Москвич» остановился, пассажир покинул салон, насвистывая что-то себе под нос. Девятиэтажка, в которой проживала Вера, стояла прямо перед ним. Кулак задрал голову. Окна в квартире Найденовой на шестом этаже не горели, но интуиция подсказывала бывшему столичному рэкетире, что его возлюбленная дома. Спит.

Мелкий назойливый дождик щекотал коротко стриженную макушку Ружакова. Ночной воздух был морозным и влажным. Вчерашний зэк с огромным удовольствием втянул ноздрями резкий запах промокшей земли. Он поднял голову еще выше и отметил, что ветер местами уже разогнал хмурые тучи, освободив ночное бескрайнее пространство небесного купола. Звезды висели над головой, дразня своей недоступностью.

Ружаков решительно зашел в подъезд и поднялся в лифте на нужный ему этаж. Без лишних колебаний вдавил грязным пальцем кнопку электрического звонка. Недра квартиры откликнулись на этот его позывной звенящей тишиной. Кулак позвонил еще раз. Затем еще. Уже долго и пронзительно. Терпение его было вознаграждено. Сначала в тишине зазвучали неторопливые вялые шаги по ту сторону запертой двери, потом сонный голос Верки спросил:

– Кто там?

– А ты в глазок-то посмотри, милая, – Кулак обнажил зубы в улыбке.

– Антон?!

Дверь распахнулась, и Вера предстала перед ним во всей своей домашней красе. В легком ситцевом халатике бледно-голубого цвета и в пушистых тапочках на босу ногу. Опытный взгляд Ружакова молниеносно отметил тот факт, что под халатом у девушки ничего не было.

– Антон! Господи боже мой!

Она даже не дала ему возможности переступить порог квартиры. Сама выпрыгнула на лестничную площадку и кинулась мужчине на шею. Ее пухлые губы жадно впились в перепачканной грязью рот Ружакова. Колыхнувшийся под халатом обнаженный бюст с остро торчащими сосками соприкоснулся с его грудью. Кулак мгновенно почувствовал накатившее на

него возбуждение. Руки сами собой сомкнулись на спине девушки, нежно поглаживая ее тело сквозь тонкую ткань одежды.

– Я правда не сплю? – недоверчиво спросила Найденова, отстраняясь от него. – Откуда ты здесь, Антон?

Кулак засмеялся.

– Ты не спишь, малышка. Это действительно я. И очутился тут самым примитивным образом. Приехал на такси. И я чертовски рад тебя видеть. Можно войти?

– Да, конечно.

Вера отступила в сторону, пропуская его в окутанную мраком прихожую. Все волнения сегодняшнего вечера живо отступили на второй план. Они фактически потеряли сейчас для Кулака значимость. Произошедшее с ним самим казалось теперь больше похожим на дурной, кошмарный сон, который после пробуждения отступил в небытие.

Ружаков, не разуваясь, миновал прихожую и зашел в кухню. Включать свет ему не понадобилось. За истекшие шесть долгих лет в квартире Найденовой ничего не изменилось. Все вещи и предметы располагались на тех же самых местах, где их зафиксировала память Ружакова в момент своего последнего визита сюда. Он открыл холодильник и на удивление привычным жестом выудил с верхней полки полуторалитровую пластиковую бутылку воды из-под крана. Привычки Веры тоже остались неизменными. Она всегда держала в холодильнике сырую воду. И Кулаку эта ее привычка нравилась.

Он жадно припал к горлышку, утоляя жажду. Вера остановилась на пороге кухни и, скрестив руки на груди, молча наблюдала за его действиями.

– Когда ты освободился? – спросила она, когда пластиковое дно бутылки коснулось обшарпанной поверхности кухонного стола. – Или... Или ты в бегах?..

– С ума сошла? – Кулак поперхнулся и зашелся в кашле. Рука снова потянулась к бутылке. Только выпив, он почувствовал, что может говорить дальше. – Я на свободе официально. Отпустили сегодня в районе шести. Витя встречал меня... – он запнулся.

– Мог бы сообщить об этом и мне. Ты ужасно выглядишь, Антон. Такое впечатление, будто тебя драли сторожевые псы. Вот я и решила... Извини... Я не хотела обидеть тебя.

Ружаков поднял глаза и долго молча смотрел на ее силуэт на фоне дверного проема. Упоминание о Расписном и то, что только что сказала Вера, вернули его в состояние реальности.

– Я в полном дерьме, малышка, – признался он, обреченно роняя голову на грудь.

– В каком смысле? – Вера, будто встревоженная сойка, вспорхнула с места, за считанные секунды преодолела расстояние, разделявшее ее с Ружаковым, и опустилась на корточки перед табуретом, на котором он сидел. С неподдельным участием заглянула Кулаку в глаза. – Что случилось? Объясни мне, Антон.

И он рассказал. Рассказал ей всю историю, начиная с того момента, как он вышел из ворот колонии, и заканчивая тем, как оказался здесь, возле ее дома. Кулак доверял ей. Доверял на сто процентов. В своем рассказе он опустил только неприятные подробности, которые, как он полагал, не предназначены для женского восприятия. Например, то, как треснула голова Вити-Расписного. Найденова слушала мужчину, не перебивая.

Наконец Кулак выдохся. Казалось, рассказ отнял у него последние силы, которые еще теплились где-то в отдаленных уголках его тела. Сейчас не было и их. С особой остротой Ружаков ощутил, насколько сильно он хочет курить.

– У тебя есть сигареты? – спросил он у Веры.

– Да. Сейчас.

Вера поспешно скрылась в комнате, но вскоре вернулась, держа в руках запечатанную красную пачку «Пэлмэла». Положила ее на стол рядом с Ружаковым, а затем подала ему и коробок спичек, взяв его уже с кухонного буфета.

– Это твои, – пояснила она насчет сигарет, пока Кулак энергично срывал с картонный пачки целлофановую упаковку. – Я всегда покупаю сигареты заранее, прежде чем ехать к тебе на свидание. Боюсь потом в спешке забыть о них. Для меня ведь курево не имеет такого принципиального значения...

– Ты у меня умница, – Ружаков закурил и с наслаждением втянул в себя едкий табачный дым. Изможденный организм тут же почувствовал себя значительно лучше. – Ты даже представить себе не можешь, как много ты для меня значишь, Верка! Я сам не мог представить этого до сегодняшнего дня! Как видишь, я с тобой предельно откровенен...

Он улыбнулся. Но лицо Веры осталось серьезным. Даже при выключенном свете это можно было заметить.

– И что ты теперь будешь делать, Антон? – спросила она. – Насколько я поняла...

– Ты все правильно поняла, малышка, – перебил он ее, не дав высказаться до конца. – Нельзя оставить все, как есть, просто проигнорировать случившееся и спокойно жить себе дальше. Да мне просто и не дадут этого сделать.

– За тобой будут охотиться? – В голосе Веры звучали неподдельная тревога и сопереживание.

Ее вопрос больно кольнул Ружакова. Само по себе слово «охота» применительно к нему прозвучало как-то обидно и неестественно. Сохраняя молчание, он больше минуты сосредоточенно курил, энергично затягиваясь и выпуская дым через ноздри. Затем сделал очередной глоток воды из бутылки. Организм требовал чего-нибудь более горячительного, но Кулак разумно решил отказаться от употребления алкоголя. Сейчас для этого было слишком неподходящее время. Напротив, в сложившейся ситуации ему требовался трезвый расчет. Дрон! Надо обязательно связаться с Дроном. Любым способом. Но лучше так, чтобы не светиться при этом самому. Кулак поднял глаза на девушку.

– Вероятно, – негромко произнес он, и казалось, это короткое, но емкое слово камнем упало в кухонный полумрак, – меня будут искать и те и другие. Я бы на их месте поступил именно так. Плюс менты... Труп Вити – реальная ниточка ко мне...

Вера всегда отличалась тем, что умела понимать Ружакова без слов. На каком-то телепатическом уровне. Может, это и было то, что принято считать духовной связью.

– Тебе нужна моя помощь? – прямо поинтересовалась она.

Ружаков коротко качнул головой в знак согласия:

– Нужна, Верунчик. Очень нужна. Я могу на тебя рассчитывать?

– Конечно, Антон.

Она приблизилась к нему и осторожно, вложив в это движение всю свою нежность, на какую была только способна, провела ладонью по его голове. Пальцы скользнули вниз и коснулись щеки Кулака. Рядом с тем местом, где ветка порезала ему кожу. Ружаков накрыл ее руку собственной ладонью, и некоторое время они, не меняя позы, смотрели в глаза друг другу. Сигарета тлела в свободной руке мужчины. Сорвавшийся с кончика столбик пепла упал на пол, едва не задев ботинок Кулака.

– Я уже говорила тебе однажды, Кулак, – Вера лишь в самых исключительных случаях обращалась к своему возлюбленному по кличке. Обычно тогда, когда хотела придать своим словам особую значимость. – Я никогда не смогу бросить тебя на произвол судьбы. Твои неприятности – это и мои неприятности. Твои проблемы – мои проблемы. Так было прежде и так будет всегда. Мы – одно целое, Антон.

Ружаков погасил сигарету и поднялся на ноги. Его все еще немного знобило от холода. Он обнял Веру за плечи и притянул к себе. Целовать не стал. Просто нежно обнял девушку, поглаживая рукой ее светлые шелковистые волосы. Сердце Ружакова в этот момент наполнилось не только любовью к ней, но и искренней благодарностью. Он услышал именно те слова, которые ему хотелось услышать.

– Спасибо, малыш. Я знал, что на тебя можно положиться. А сейчас – извини. Если ты не против, я бы хотел принять душ. От меня воняет, наверное, как от дворовой собаки.

Найденова улыбнулась:

– Хорошо. А я пока найду тебе что-нибудь из одежды.

Девушка скрылась в комнате, а Кулак продефилировал в ванную. Одним рывком сорвал с себя пропитанную потом и грязью рубашку и бросил ее поверх крышки унитаза. На правом рукаве остался отчетливый кровавый след. То ли его собственной, то ли покойного Вити. Кулак полностью разоблачился и встал под горячий душ. Утомленные мускулы покорно расслабились под воздействием мощных точечных струек воды. Он согревался. Согревался и возвращал себе прежнюю бодрость духа.

Мыслительный процесс ни на минуту не прерывался в сознании Ружакова. К настоящему моменту будущий план действий обрел вполне ясные и четкие очертания. Как только прояснится ситуация с Дроном, на многие вопросы найдутся ответы. Если Расписной был замешан в каких-то криминальных разборках, то Кулак намеревался подхватить это дело. Забрать инициативу в свои руки, и теперь, когда у него появится оружие, возможные новые встречи с «буль-догом» его уже не будут пугать. В противном случае... То есть, если смерть Расписного – нелепая ошибка, он не станет ввязываться во все это дерьмо. И тогда предпочтительнее всего было бы покинуть Златоглавую. Взвесив этот вариант, Кулак пришел к выводу, что в Москве его и в самом деле ничто не держит. Есть много других городов, где можно более или менее реально развернуться. Задумки у Кулака имелись. И Вера! Ее он теперь совершенно точно заберет с собой. Может, даже вступит в законный брак. Потом пойдут детишки... Но так далеко Ружаков пока старался не заглядывать. Пока надо было решить проблему-минимум. Дрон!

Стоя под душем с закрытыми глазами и наслаждаясь тем, как теплые капли стекают по его скуластому лицу, Ружаков скорее почувствовал, чем услышал, как отворилась дверь в ванную комнату. Вера зашла и молча положила свежее белье на белоснежный корпус стиральной машинки. Рядом поставила стакан воды и пластмассовый цилиндрик быстрорастворимых таблеток аспирина. Остановилась, глядя на моющегося мужчину. Кулак открыл глаза, и их взгляды встретились.

Чувство, охватившее Ружакова сейчас, не было похоже на то, какие он испытывал в колонии при нечастых свиданиях с Верой. Тогда в нем бушевала неудовлетворенная страсть, похоть, животное желание. Теперь все было иначе, он чувствовал это. Чувствовал хотя бы по тому, что у него возникло безудержное желание доставить удовольствие ей, а не себе. Внизу живота мгновенно появилось тепло и характерная при половом влечении тяжесть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.